

8. Владимирский А. П. Передаются ли по наследству приобретенные признаки? «Дарвиновская библиотека». М., Л., 1927.
9. Владимирский А. П. Экспериментальное изменение куколочной окраски у капустной моли и результаты длительного отбора // Труды 3-го Всерос. съезда зоол., анат. и гистол. 1928.
10. Владимирский А. П. Действительно ли цвет субстрата влияет на окраску куколок через глаза гусеницы? (опыты над капустной молью *Plutella maculipennis*) // Труды по динамическому развитию. 1935. Т. 10.
11. Владимирский А. П. Экспериментальное изучение процесса инкубации яиц // Труды Петергоф. биол. ин-та. 1935. Т. 15.
12. Владимирский А. П. Основные направления в изучении проблемы мутаций // Труды Петергоф. биол. ин-та. 1935. Т. 15.
13. Догель В. А. Количественный анализ фауны лугов в Петергофе. Исследования по количественному анализу наземной фауны // Русск. зоол. журн. 1924. Т. 4 вып. 1/2.
14. Колчинский Э. И., Орлов С. А. Философские проблемы биологии в СССР (1920—1960). Л., 1990.
15. Лобашев М. Е. Влияние удущья на мутационный процесс у *Drosophila melanogaster* // Труды Ленингр. о-ва естествоисп. 1934. Т. 63, вып. 3.
16. Лобашев М. Е., Смирнов Ф. П. К природе действия химических агентов на мутационные процессы у *Drosophila melanogaster*. Действие уксусной кислоты на non-disjunction хромосом и трансгенаций у *Drosophila melanogaster* // Докл. АН СССР. 1934. Т. 3.
17. Лобашев М. Е., Смирнов Ф. А. К природе действия химических агентов на мутационные процессы у *Drosophila melanogaster*. Действие аммиака на возникновение летальных трансгенаций // Докл. АН СССР. 1934. Т. 3, вып. 3.
18. Child C. N. Physiological dominance and physiological isolation in development and reconstitution // Roux Arch. 1929. Bd. 117.
19. Müller H. J. Artificial transmutation of the gene // Science. 1927. Vol. 66, N 1699.
20. Müller H. J. The Production of mutation by X-rays // Proc. Nat. Acad. Sc. USA. 1928. Vol. 14, N 9.

ГЕОРГИЙ ДМИТРИЕВИЧ КАРПЕЧЕНКО
И КАФЕДРА ГЕНЕТИКИ РАСТЕНИЙ
 (1931—1941)

В. Г. СМЕРНОВ, Д. В. ЛЕБЕДЕВ, Т. К. ЛАССАН

Кафедра генетики растений Ленинградского университета была создана на только что обособившемся биологическом факультете. Ее организация была вызвана реальными потребностями страны в высококвалифицированных специалистах, владеющих знанием теории и методов молодой стремительно развивающейся науки. Рождение новой кафедры было связано с именами таких выдающихся ученых, как Юрий Александрович Филипченко, Николай Иванович Вавилов и Георгий Дмитриевич Карпеченко.

20-е годы нашего века были во всем мире отмечены становлением новой науки — генетики. В нашей стране организовывались новые научные центры с лабораториями и отделами, задачей которых было развертывание теоретических и прикладных исследований по генетике и селекции растений и животных. Большим событием стал проведенный в Ленинграде в 1929 г. Всесоюзный съезд по генетике, селекции, семеноводству и племенному животноводству, явившийся смотром достижений ученых страны в этих областях науки. Работы отечественных исследователей к началу 30-х годов находились на переднем крае по всему фронту генетики и неизменно получали высокую оценку в научных публикациях, на международных конгрессах. Разворачивалась энергичная и плодотворная деятельность целой плеяды талантливых молодых ученых, снискавших заслуженную славу отечественным генетическим школам.

Вместе с тем бурный приток в вузы молодежи, отобранной по

© В. Г. Смирнов, Д. В. Лебедев, Т. К. Лассан, 1994

социальному критерию и зачастую не получившей прочной теоретической подготовки в школьные годы, хотя и помог открыть много ярких дарований, но имел и определенное негативное влияние на формирование психологического климата в коллективах вузов. На фоне нарастающей в стране подозрительности и истерии по поводу «вредительской», «контрреволюционной» деятельности якобы многочисленных противников советской власти многие партийные и комсомольские руководители, не задумываясь, искали противников прежде всего среди профессуры и преподавателей с дореволюционным стажем. Их взгляды легче всего было залхватски представить как отсталые и реакционные, особенно на фоне официальных призывов о необходимости развития пролетарской, советской науки, которая должна принципиально отличаться от буржуазной, даже если речь идет о физике, математике или биологии.

Петроградский университет не был исключением, а одним из главных объектов идеологической травли стал Ю. А. Филиппенко, руководитель кафедры в России кафедры генетики и экспериментальной зоологии, основанная им в 1919 г. Питомец кафедры зоологии беспозвоночных, он обладал исключительной эрудицией и широкими интересами к различным областям биологии. Задачей наследования количественных признаков, Ю. А. Филиппенко провел на базе созданной им лаборатории в Петербургском биологическом институте масштабные экспериментальные исследования по генетике мягких пшениц. Ю. А. Филиппенко был автором первого руководства по частной генетике растений.

Усилившиеся к 1929—1930 гг. идеологические нападки заставили Ю. А. Филиппенко серьезно задуматься об уходе из университета. Можно было перейти полностью на работу в Академию наук СССР — в организованную и руководимую им лабораторию генетики (в дальнейшем — Институт генетики) — первое в России специализированное исследовательское учреждение по генетике или в отдел животноводства Всесоюзной академии сельскохозяйственных наук им. В. И. Ленина (ВАСХНИЛ). Но судьба решила иначе — 19 мая 1930 г. Ю. А. Филиппенко скоропостижно скончался. Заведующим кафедрой был избран А. Н. Владимирский, также воспитанник кафедры зооло-

Возможности для подготовки на кафедре будущих генетиков растений резко уменьшились, и перед университетом встал вопрос о том, как обеспечить выпуск таких специалистов. Эта же задача серьезно озабочивала и Н. И. Вавилова.

В том же 1930 г. президент ВАСХНИЛ Н. И. Вавилов в докладной записке на имя наркома земледелия Я. А. Яковлева писал, что для успешного развития сельского хозяйства необходимо создать такие условия для науки, чтобы она могла идти вперед жизни, быть на мировом уровне. При этом он отмечал, что одной из главных задач является эффективная подготовка научных кадров. По инициативе Н. И. Вавилова в Паркомземе СССР был поставлен вопрос о создании в системе ВАСХНИЛ региональных научных центров (селекционных центров) и высших учебных заведений при них, где осуществлялась бы подготовка физиологов, биохимиков, генетиков, владеющих современными методами исследований и способных связать свою работу с производством. «Преподавать серьезно, — писал Н. И. Вавилов Н. С. Константинову, — можно только сочетая исследовательскую работу с производственной. Школа сильна наукой, а наука — это есть исследование» [5].

Осуществил прогностический Н. И. Вавиловым эффективной системы тесного взаимодействия научно-практических центров с вузами тогда

было суждено осуществиться лишь частично: в 1931 г. была создана кафедра генетики растений в Ленинградском университете как минимальная мера для обеспечения подготовки кадров по генетике и селекции растений. (Вплоть до 1933 г. включительно Н. И. Вавилов не оставлял попыток организовать высшее учебное заведение при Всесоюзном институте растениеводства (ВИРе), обращаясь как в самые высокие инстанции, так и к местным властям. Его письма остались без ответа. Вместе с тем возникавшие в стране сельскохозяйственные вузы не обеспечивали достаточной общетеоретической подготовки.) Это было чрезвычайно важно, поскольку развитие селекции Н. И. Вавилов связывал прежде всего с успехами генетики. Возглавил вновь образованную кафедру заведующий лабораторией генетики ВИРа Георгий Дмитриевич Карпеченко, самый молодой из плеяды выдающихся ученых, руководителей основных направлений работ института, уникального по размаху исследований центра комплексного изучения растений.

Георгий Дмитриевич Карпеченко (1899—1941) был воспитанником Московской сельскохозяйственной академии, учеником одного из пионеров научной селекции растений в России проф. С. И. Жегалова и одной из первых специалистов по цитологии растений А. Г. Николаевой. Здесь он начал свои исследования по цитогенетике крестоцветных, принесшие ему мировую известность. Блестящий анализ природы полученного им плодового межродового гибрида редьки и капусты (*Raphanobrassica*) вошел во все учебники генетики. Он доказал правильность гипотезы датского генетика О. Винге, наглядно продемонстрировал, как, по-видимому, шла в значительной степени эволюция растительного мира и какие возможности открываются, если использовать этот путь для получения новых плодовых видовых и родовых форм при сочетании геномов отдаленных родов и видов. Проблема отдаленной гибридизации и тесно связанная с ней проблема полиплоидии стали основными в научных трудах Г. Д. Карпеченко и созданной им в ВИРе лаборатории генетики. Исследования по цитогенетике отдаленных гибридов (ржано-пшеничных) велись также в лаборатории цитологии ВИРа.

В лаборатории генетики ВИРа была проведена большая серия работ по разработке эффективных методов экспериментального получения полиплоидных форм растений и детальному изучению эффектов полиплоидии, проявляющихся в изменениях морфологии, мейоза, способности к скрещиванию с отдаленными видами и родами. Изучали способы получения гаплоидов у различных растений, а также использование этих форм для генетических исследований и селекции. Собственный и мировой опыт был подытожен в двух капитальных статьях Г. Д. Карпеченко: «Теория отдаленной гибридизации» и «Экспериментальная полиплоидия и гаплоидия», написанных для изданного в 1935 г. первого тома коллективной монографии «Теоретические основы селекции растений» (под ред. Н. И. Вавилова), в котором другие большие разделы были написаны Н. И. Вавиловым, Г. А. Левитским, М. А. Розановой, Л. И. Говоровым и другими учеными.

В соответствии с общими задачами института и лаборатории генетики под руководством Г. Д. Карпеченко велись систематические исследования по частной генетике ряда культур, радиационному мутагенезу. В лаборатории активно работали Т. В. Асеева, Е. И. Барулина, А. С. Каспарян, А. Н. Лутков, О. Н. Сорокина, М. И. Хаджи-молла, С. А. Шавинская. Все они внесли значительный вклад в развитие отечественной науки.

Г. Д. Карпеченко был ближайшим помощником Н. И. Вавилова во всех его действиях по организации научных исследований в обла-

сти генетики. Он был генеральным секретарем упомянутого выше съезда в 1929 г., членом президиума Всесоюзной конференции по планированию генетико-селекционных исследований в 1932 г., активным участником различных сессий и совещаний, созываемых ВАСХНИЛ.

Г. Д. Карпеченко достойно представлял нашу науку и за рубежом. Еще в 1925 г. он был командирован в Финляндию, Данию, Германию и Англию, где посетил все основные генетические учреждения. В 1927 г. он участвовал в работе V Международного генетического конгресса в Берлине. С октября 1929 г. по февраль 1931 г. как стипендиат Рокфеллеровского фонда он работал в США в лабораториях Т. Г. Моргана и Э. Б. Бэбкока. К сожалению, он не смог принять участия в 1932 г. в VI Международном генетическом конгрессе в Итаке (США), куда был приглашен для доклада на пленарном заседании по проблемам отдаленной гибридизации, и в 1934 г. в VI Международном ботаническом конгрессе, где он был избран вице-президентом генетической секции.

План Н. И. Вавилова об организации кафедры генетики растений осуществился после возвращения Г. Д. Карпеченко в марте 1931 г. из США. Осенью того же года на кафедру генетики растений был объявлен первый прием студентов.

Сменив поначалу два «адреса», новая кафедра заняла в конце концов несколько небольших помещений на первом этаже Главного здания под университетской библиотекой. Эти тесные стены стали родной *Alma Mater* для нескольких десятков выпускников кафедры, подготовленных в течение десяти лет.

Следует подчеркнуть, что все эти десять лет существовавшие в университете две генетические кафедры работали в полном согласии и взаимопонимании. Это достигалось на всех уровнях — от профессорского до студенческого. После смерти А. П. Владимирского в 1939 г. и до избрания на должность заведующего кафедрой генетики животных Ю. И. Полянского ректор университета просил Г. Д. Карпеченко «на общественных началах» возглавить обе кафедры.

Г. Д. Карпеченко, полностью разделяя стремление Н. И. Вавилова к максимальному сближению сильного научно-исследовательского центра с вузом, блестяще воплотил его в подборе основных педагогических кадров кафедры. Подавляющее большинство их были одновременно руководителями или ведущими сотрудниками отделов или лабораторий ВИРА.

Григорий Андреевич Левитский (1878—1942), яркий представитель навашинской школы цитологов, автор первого отечественного учебника по цитогенетике «Материальные основы наследственности», широко развернул исследование в эволюционном плане кариотипов растений в лаборатории цитологии ВИРА, которую он создал и которой руководил с 1925 г. Кроме капитальных работ самого Г. А. Левитского («Карио- и генотипические изменения в процессе эволюции», «О цитологическом методе в систематике», «Кариологический метод в систематике и филогенетике рода *Festuca*», «Морфология хромосом и понятие кариотипа в систематике») вышла серия монографий (по кариологическим исследованиям различных родов в семействах злаковых, бобовых, зонтичных) его учеников и сотрудников — Н. П. Авдулова, М. В. Сеняниновой-Корчагиной, В. П. Чехова и др. Лаборатория Г. А. Левитского получила мировую известность и признание и за серию цитогенетических исследований по радиационному мутагенезу. Г. А. Левитским с сотрудниками была высказана гипотеза о механизме возникновения индуцированных хромосомных аберраций, по-

лучившая широкую поддержку (впоследствии этот механизм обозначили как «разрыв-воссоединение»).

Сосредоточенные в этой лаборатории огромный научный, интеллектуальный потенциал, опыт и мастерство проведения цитологических и цитогенетических исследований были мобилизованы на подготовку кадров на кафедре генетики растений. Г. А. Левитский был профессором кафедры и читал курс цитологии и цитогенетики, а одна из его учениц и основных сотрудниц М. В. Сенининова-Корчагина вела на кафедре практикум по цитологии.

Леонид Ипатьевич Говоров (1885—1941) был, подобно Н. И. Вавилову и Г. Д. Карпеченко, питомцем Московской сельскохозяйственной академии, где еще в студенческие годы дружил с Н. И. Вавиловым. Как профессор кафедры, он читал очень важный курс основ селекции растений (первоначально, как вспоминают выпускники кафедры, этот курс читал другой виróвец, известный специалист по винограду А. М. Негруль). Л. И. Говоров заведовал в ВИРе отделом зернобобовых культур, сам проводил капитальное исследование гороха. Он был одним из ближайших сотрудников Н. И. Вавилова по всестороннему исследованию растительных ресурсов Земли.

Таким же глубоким знатоком другой группы культурных растений — ягодных культур — была Мария Александровна Розанова (1885—1958). Ее научные интересы в течение многих лет были сосредоточены на изучении внутривидовой изменчивости и использовании экспериментальных методов в систематике крупных родов. М. А. Розанова также была профессором кафедры и читала курс экспериментальных основ систематики растений. Но в отличие от других профессоров кафедры она не была новым человеком для университета. В 1915 г. она окончила естественное отделение Бестужевских высших женских курсов и была оставлена на кафедре ботаники, возглавляемой Н. А. Бушем, для подготовки к научной деятельности. После слияния курсов с университетом в 1919 г. она стала ассистентом кафедры ботаники. Продолжая преподавать в университете, она в 1925 г. была приглашена Н. И. Вавиловым в ВИР на должность заведующего секцией ягодных культур в отделе плодовых растений. С 1927 г. М. А. Розанова читает в университете приват-доцентский курс «Новые течения в систематике», на основе которого была опубликована ее монография «Современные методы систематики растений», во многом предвосхитившая идеи сформировавшейся позднее биосистематики. В 1946 г. вышла новая капитальная сводка Марии Александровны «Экспериментальные основы систематики растений».

Свои исследования М. А. Розанова проводила и в лаборатории Петергофского биологического института, и на полях виróвских опытных станций. В ВИРе она исследовала главным образом роды *Fraxinus* и *Rubus*, осуществив экспериментальный синтез амфидиплоидной видовой формы в роде *Rubus* серии *Sub-Idaei*. В 1935 г. появилось созданное М. А. Розановой первое в России руководство для селекционеров «Ягодоведение и ягодоводство», переизданное в 1937 г. В университете она руководила серией исследований географического распространения полиплоидных форм, проводимых ее ученицами А. П. Соколовской и О. С. Стрелковой.

Следует подчеркнуть, что Г. Д. Карпеченко, Г. А. Левитский, И. Говоров, М. А. Розанова были не только научными единомышленниками Н. И. Вавилова, но и его верными соратниками в борьбе за научную истину против лысенковской антинауки. Это были подлинные патриоты, болевшие за судьбы отечественной науки, люди мужественные и честные. И они определяли общий моральный климат на кафедре.

И. И. Вавилову удалось отчасти воплотить в жизнь идею приглашения в СССР ведущих зарубежных генетиков: в течение ряда лет в Институте генетики АН СССР, директором которого он был со дня основания до 1940 г., работали К. Бриджес и Г. Меллер из США, Г. Фризен из Германии, Д. Костов из Болгарии. Проф. Дончо Костов — один из крупнейших специалистов по генетике и цитогенетике растений — также был привлечен Г. Д. Карпеченко к преподаванию на кафедре генетики растений и в течение нескольких лет (до 1936 г.) читал курсы частной генетики.

Одно из ведущих специалистов отдела физиологии ВИРа — Виктор Иванович Разумов — читал на кафедре курсы биологии развития растений. Точные научные сведения по этому кругу проблем имели в 30-е годы особенно большое значение, так как все шире распространялась лысенковская теория стадийного развития, основанная на небезымянном фактическом материале, но претендовавшая на объяснение способов возникновения наследственной изменчивости и на открытие простых методов быстрого получения новых сортов растений. Для которую замечательных ученых успешно возглавлял молодой, известнейший кафедрой, в 1931 г. не достигший еще «возраста Христа», давший, по Евангелию, право учить людей.

Г. Д. Карпеченко читал общефакультетский курс общей генетики. На воспоминаниям выпускников кафедры, в этих лекциях Георгий Дмитриевич в интересной и увлекательной форме рассматривал закономерности генетики с привлечением новейших фактов, материалов, гипотез и теорий. Курс сопровождался практикумом, в ходе которого основные закономерности наследования демонстрировались в опытах на дрозофиле, а также на материалах лаборатории генетики ВИРа. Для студентов, специализировавшихся на кафедре, Г. Д. Карпеченко читал спецкурс по наиболее актуальным проблемам генетики. Его содержание менялось от года к году, но в заключительной части Георгий Дмитриевич рассказывал о генетических лабораториях зарубежных стран на основе собственных впечатлений.

Заведующий кафедрой неизменно руководил и семинаром кафедры, на котором не только сотрудники, но и студенты выступали с докладами по предложенным им темам, затрагивавшим различные проблемы генетики, цитогенетики и селекции, реферировали новую литературу. Эти семинары собирали не только сотрудников кафедры, но и специалистов из других научных учреждений.

Както университетским преподавателем на кафедре был учившийся и работавший еще у Ю. А. Филипченко Борис Иванович Васильев — постоянный помощник заведующего с момента основания кафедры и до ее последних дней под руководством Г. Д. Карпеченко. Вначале ассистент, затем доцент, Б. И. Васильев был ученым секретарем кафедры, осуществлял основное руководство практикумом по курсу общей генетики, больше всех повседневно работал со студентами. Лишь в конце 30-х годов появились и молодые ассистенты из первых выпускников — Д. Р. Габс и Т. Ф. Полякова. С 1937 г. Б. И. Васильев вел курсы частной генетики растений.

Тематику научных работ Б. И. Васильева, осуществлявшихся под руководством Г. Д. Карпеченко, составляли вопросы частной генетики — цитогенетики, методы получения гаплоидов, изучение скрещиваемости растений и ряд вопросов цитогенетически-ржающих гибридов — те же проблемы, которые исследовались в лаборатории генетики ВИРа.

После цитогенетики Б. И. Васильев проводил в Петергофском биологическом институте. Там же выращивали экспериментальный материал и некоторые аспиранты кафедры. Г. Д. Карпеченко в летние месяцы регулярно приезжал в Старый Петергоф и внимательно знакомил-

ся с материалами опытов. Приезд Г. Д. Карпеченко всегда был радостным событием для сотрудников и студентов. Георгий Дмитриевич (обычно в неформальных беседах) рассказывал об интересных результатах вировских работ, последних данных литературы, совещаниях, сессиях ВАСХНИЛ, вспоминал о своем богатом опыте личного общения с ведущими зарубежными генетиками и цитологами, об организации научных исследований за рубежом.

В Петергофском институте под руководством М. А. Розановой работала небольшая лаборатория экспериментальной систематики растений, в которой А. П. Соколовская и О. С. Стрелкова выполнили интереснейшую серию исследований с использованием сравнительно-карнологического метода. При изучении собранных во время экспедиционных поездок больших коллекций видов родов *Agrostis* и *Alopecurus*, сосредоточенных на экспериментальных участках, была четко продемонстрирована закономерная приуроченность полиплоидных высокохромосомных видов обоих родов к районам с относительно неблагоприятными условиями произрастания — высокогорьям, районам Крайнего Севера.

Привлекая к преподаванию ведущих ученых из различных лабораторий и отделов ВИРА, Г. Д. Карпеченко использовал эти отделы и лаборатории как естественную базу для подготовки молодых кадров. Студенты (а впоследствии и аспиранты) проходили там практику, получали задания для дипломных работ и диссертационных тем. Деянки студентов и аспирантов кафедры были среди общих посевов, и в случае обхода участков членами ученого совета во главе с Н. И. Вавиловым любой сотрудник, аспирант или студент должен был быть готов кратко изложить существо своей работы и полученные результаты.

Работающие в лабораториях цитологии и генетики ВИРА студенты и аспиранты овладевали теми методическими достижениями в постановке экспериментов, приготовлении и исследовании цитологических препаратов, которые были разработаны и освоены сотрудниками. Выпускники кафедры вспоминают о том, как их наставляла в практической работе Е. Н. Богданова в лаборатории генетики. Позднее, после окончания войны, Е. Н. Богданова долго работала на «объединенной» кафедре генетики и продолжала передавать свой богатый опыт и мастерство экспериментатора новым поколениям питомцев кафедры.

Связь с научными лабораториями и отделами ВИРА была, таким образом, самая тесная. Естественным было и участие в научных семинарах, отчетных сессиях в ВИРе. Знакомство с научными учреждениями, однако, не ограничивалось только ВИРом, студентов посылали на практику и в Саратовский селекционный центр (например,

Е. М. Плачек — крупнейшему специалисту по генетике и селекции подсолнечника), в Одесский селекционно-генетический институт и др. По возвращении с практики на кафедре слушали и обсуждали отчеты студентов. Георгий Дмитриевич с интересом слушал эти отчеты, иногда использовал какие-то материалы из них.

По единодушному мнению выпускников кафедры, вплоть до 1936—1937 гг. на кафедре царила обстановка увлеченности наукой, глубокого уважения студентов к своим учителям, уважительного и требовательного отношения преподавателей к студентам, поддерживалась атмосфера дружелюбия и доброжелательности. Такой психологический климат определялся прежде всего высокими нравственными качествами профессоров и преподавателей, для которых главным делом жизни было исследование, познание, а главными принципами — честность и верность научной истине.

Вместе с тем в 30-е годы все увеличивались трудности и даже опасности для честных исследователей, желающих отстаивать научную истину в генетике и именно этой истине учить молодежь.

В 1936 и 1939 гг. прошли две общесоюзные дискуссии по генетике. В них претензии Т. Д. Лысенко — человека с фанатичной убежденностью в правильности только собственных взглядов, но малообразованного (он сам признавался, что «Дарвина не читал», но зато ходил по полям с книгой «Материализм и эмпириокритицизм» подмышкой), — были философски «оформлены» как якобы принципиально новое, передовое «михуринское» учение философствующим теоретиком И. И. Презентом. Генетики объявлялись последователями идеологически враждебной буржуазной науки, оторванной от практики строительства социализма, установленные генетикой закономерности и факты бездоказательно объявлялись ложными, генетике приклеивался ярлык идеализма — обвинение идеологическое, за которым следовали политические и организационные выводы. Все яснее становилось, что лысенковщина — не случайное извращение науки, созданное злой волей Лысенко и Презента, а результат целенаправленной политики высшего руководства страны, предпочитавшего иметь «управляемую» науку вместо науки, развивающейся в условиях интеллектуальной свободы.

Г. Д. Карпеченко, Г. А. Левитский, М. А. Розанова были наряду с Н. И. Вавиловым главными объектами травли, усилившейся сначала дискуссий. Очень показательна в этом отношении статья П. Яковлева «Упражнения реакционных ботаников», опубликованная в газете «Правда» в феврале 1936 г. [6]. Автор ее, бывший сотрудник И. В. Мичурина, был направлен последним в ВИР поучиться, овладеть знаниями, методами цитогенетики. Поводом для статьи послужил выход в свет упомянутого выше первого тома «Теоретических основ селекции растений» — труда, до сих пор имеющего огромную научную ценность. Статья написана в развязном фельетонном стиле, в ней автор совершенно бездоказательно охаивает капитальные монографические работы выдающихся ученых, не потерявшие своей актуальности и в наши дни.

Уничтожить оплот генетики в Ленинградском университете — такова была одна из важных задач лысенковцев. Особенным атакам подвергалась кафедра генетики растений, на которой работали ближайшие соратники Н. И. Вавилова. Презентовская кампания в университете началась еще в конце 20-х годов, когда этот юрист по образованию посчитал себя вправе без ложной скромности вслед за Ф. Энгельсом учить биологов «Диалектике природы» — так назывался курс его лекций. Затем он основал кафедру дарвинизма и читал соответствующий курс до 1934 г. Лишенный кафедры, он обосновался у Лысенко, но по мере роста положения последнего все энергичнее пытался снова внедриться в университет, чтобы влиять на развитие событий в нем.

Все более оголтелая кампания нападок на классическую генетику и специалистов-генетиков, подогреваемая обвинениями в идеализме, реакционности, нашла отклик у части студенческой молодежи, для которой подкупающе-очевидными и простыми были многие положения нового «учения», сулившего к тому же быстрые результаты в селекции новых сортов и пород. Приверженцы «реакционной» науки автоматически становились подозрительными, упорствующими в своих «неправильных» взглядах явно по причине враждебного отношения к прогрессу, к работе для укрепления социалистического строя. Такого рода обсуждающие письма некоторых студентов, критикующих преподавание на кафедре, появлялись в газете «Ленинградский универси-

тет», где печатались также решения партийного и комсомольского комитетов о необходимости усилить борьбу с реакционными взглядами».

Так, в опубликованной в 1939 г. статье семи преподавателей и аспирантов (биологов и философов) «Еще раз дарвинизме и буржуазной генетике» об очередной Дарвиновской конференции [1] говорилось о том, что в курсе генетики не разоблачаются фашистские извращения и что большинство участников конференции защищали менделизм-морганизм. Выступившие по просьбе студентов Г. Д. Карпеченко и А. П. Владимирский «свели свои выступления к недопустимым выпадам против противников менделизма-морганизма», а Карпеченко к тому же заявил, что именно менделисты-морганисты представляют советскую науку. Комсомольцев биофака осуждали за то, что они не выступили на конференции против идей доклада аспиранта Лебедева «Творческая роль естественного отбора», критиковавшего взгляды Лысенко и Презента: «Сейчас идет борьба реакционной генетики с генетикой Мичурина — Лысенко. А комсомольская организация устранилась от этой борьбы» [4]. В статье «Против консервативного направления в биологической науке» [2] приведены слова секретаря парткома университета Комиссарова: «Пора заявить профессору Карпеченко, что нетерпимо с университетской кафедры выступать с пропагандой реакционных взглядов формальной генетики».

Часть студентов и аспирантов выбирали для себя «новый» путь — участвовали в работе новой петергофской лаборатории биологии развития, возглавляемой ученицей и ближайшей сотрудницей Презента Б. Г. Поташниковой. Другие во всех возникавших дискуссиях продолжали отстаивать научность положений «менделизма-морганизма». Таким же было положение и в ВИРе, где многие аспиранты резко выступили против научных взглядов своих руководителей и отказались выполнять исследования под их руководством.

В эти годы преподавание генетики и проведение исследований без zmiany научной истине требовало подлинного гражданского мужества. И ни один из преподавателей кафедры истине не изменил. Преподавание шло на прежнем высоком уровне, антинаучные нападки на генетику разоблачались в лекциях и на практических занятиях. Студенты и аспиранты, оставшиеся верными научной правде, выступали с докладами на семинарах и совещаниях, в том числе на ежегодных Дарвиновских конференциях. Летом 1939 г. кафедра стала инициатором письма в ЦК ВКП(б) на имя А. А. Жданова с изложением ненормального положения в генетике. Первым подписал его

Д. Карпеченко, затем М. А. Розанова, Г. А. Левитский, М. Е. Лобашев, всего 11 человек. Это письмо было, по-видимому, одним из документов, на основе которых было проведено в октябре 1939 г. совещание по проблемам генетики и селекции, созданное редакцией журнала «Под знаменем марксизма».

На этом совещании и после него нападки на генетиков резко усилились. В заключительном слове Митина было со всей резкостью заявлено, что в генетике идет борьба между передовыми («мичуринским») и реакционным направлениями. По сути дела это был приговор, и опубликованный в газете «Правда» [3], он стал партийной директивой, обязательной для всех.

После этого все сильнее становился административный нажим со стороны Лысенко, ставшего президентом ВАСХНИЛ. Осенью 1939 г. он вывел из ученого совета ВИРа наиболее крупных ученых. Среди них были Л. И. Говоров, Г. Д. Карпеченко, Г. А. Левитский, М. А. Розанова. В университете административные меры не применялись, руководство факультета, в том числе и партийное, несомненно сочув-

ствовало преследуемым, но активно сопротивляться нажиму сверху не могло. Возможно, и в «высоких» инстанциях не было еще единодушной поддержки лысенковщины, о чем свидетельствует награждение Н. И. Вавилова Большой золотой медалью Всесоюзной сельскохозяйственной выставки. Сообщение об этом появилось в «Ленинградской правде» через три недели после его ареста.

Николай Иванович Вавилов был арестован 6 августа 1940 г. Тяжелое положение ученых-генетиков превратилось в настоящую трагедию. Жена Г. Д. Карпеченко вспоминала, что после этого Георгий Дмитриевич получил письмо, подписанное пятью профессорами факультета, с настоятельным требованием «ради факультета» изменить характер преподавания на кафедре. Несправедливость такого требования, конечно, ранила очень больно.

Выполняя требование ученого совета факультета об изменении программы курса генетики, Г. Д. Карпеченко представил новый проект программы. Однако, чтобы контролировать, насколько профессор действительно перестроил свой курс, было проведено стенографирование лекций, и эти стенограммы детально анализировали. На основе этого анализа от имени ректора и руководства факультета в отдел школ и в отдел агитации и пропаганды ЦК ВКП(б), нарком просвещения были в январе и феврале 1941 г. направлены письма о том, что «кафедра генетики растений, возглавляемая проф. Карпеченко, организует и проводит научную и учебную работу, разрабатывая и пропагандируя формальную генетику (менделизм-морганизм). Несмотря на неоднократные попытки добиться от проф. Карпеченко, читающего курс генетики на биофаке, перестройки курса на принципах мичуринской генетики, он остался в основном на прежних позициях формальной генетики... «Законы Менделя» рассматриваются... как универсальные законы, действительные для всех организмов. Проф. Карпеченко говорит, что менделизм имеет исключительное значение для практической работы... Весь курс построен, по собственному выражению проф. Карпеченко, как изложение науки о генах... Принципиальная основа курса генетики осталась на прежних менделевско-морганизовских позициях, неправильно трактующих вопросы наследственности». Авторы этих писем считают, что «преподавание генетики по программам прошлых лет воспитывало молодых специалистов в духе буржуазной генетики, идеологически чуждой советской биологии», и «с вузовских кафедр должна преподаваться только передовая, а отнюдь не реакционная генетика».

Этот стенографируемый курс лекций Георгий Дмитриевич завершил 6 января 1941 г., а 15 февраля он, а затем и Л. И. Говоров были арестованы. Исполняющей обязанности заведующего кафедрой назначили Б. Г. Поташиникову. Г. А. Левитский был уволен, а 28 июня 1941 г. арестован. М. А. Розанова перевелась на кафедру географии растений географического факультета к своему учителю Н. А. Бушу. Д. Р. Габе уехала в Камышин на селекционную станцию. Аспирант Д. В. Лебедев был исключен из комсомола и изгнан из аспирантуры. Аспирантка Р. Х. Макашева также была отчислена из аспирантуры. В феврале 1942 г. в блокадном Ленинграде скончался Б. И. Васильев. Формально продолжавшая числиться на факультете кафедра генетики растений фактически перестала существовать. Ее история оказалась кровавой.

Г. Д. Карпеченко, Л. И. Говоров, Г. А. Левитский, как и Н. И. Вавилов, погибли в застенках, и лишь после 1956 г. их славные имена были реабилитированы. В 1957 г. на объединенную кафедру генетики и селекции в университет вернулся М. Е. Лобашев, и с этого года на кафедре — портреты Н. И. Вавилова, Г. Д. Карпеченко, Г. А.

Левитского. Вновь живут лучшие традиции кафедры Г. Д. Карпеченко — верность научной истине, энергичная работа по подготовке генетиков в тесном взаимодействии как с исследовательскими лабораториями кафедры в Петергофе, так и с ведущими генетическими институтами и лабораториями в Ленинграде и по всей стране. Традиционно поддерживаются прочные связи кафедры с лабораториями, опытными станциями и отделами снова вавиловского ВИРа. Именно в единстве преподавания и научно-исследовательской работы видим мы путь к подготовке новых кадров генетиков.

Кафедра генетики растений, кафедра Георгия Дмитриевича Карпеченко, просуществовала очень недолго, далеко не все ее питомцы смогли работать по специальности, но многие при всех трудностях остались верными своим учителям. Ученую степень доктора биологических наук получили Р. Х. Макашева за ботанико-растениеводческую монографию по гороху и Н. К. Навалихина за исследование полиплоидии у клевера, которое привело к созданию нового перспективного сорта. Д. Р. Габе после войны не вернулась к генетике, а обратилась к микробиологии. Написанная ею совместно с Б. В. Перфильевым фундаментальная монография «Капиллярные методы изучения микроорганизмов» (1961) была удостоена в 1963 г. Ленинской премии. 16 октября 1990 г. известным указом Президента СССР были награждены орденами СССР «за особый вклад в сохранение и развитие генетики и селекции, подготовку высококвалифицированных кадров» верная спутница и помощница своего мужа Г. С. Карпеченко, выпускники кафедры Д. В. Лебедев, Р. Х. Макашева, Н. К. Навалихина, В. В. Светозарова, Н. А. Чуксанова, сотрудница Г. Д. Карпеченко Е. Н. Богданова.

GEORGIY DMITRIEVICH KARPECHENKO
AND THE DEPARTMENT OF PLANT GENETICS
(1931—1941)

V. G. Smirnov, D. V. Lebedev, T. K. Lassan

Summary

The history of the Department of plant genetics in Leningrad State University is considered in the article as well as scientific and teaching activities of its chairman G. D. Karpechenko and professors G. A. Levitsky, M. A. Rosanova, L. I. Govorov, D. Kostov, V. S. Rasumov, B. I. Vasiljev — the outstanding scientists in the fields of plant genetics, cytogenetics and breeding. The fight of the professors and students of the department for defending true scientific positions in teaching and research against Lysenkoist pseudoscience and their tragic fate in this fight is described.

Указатель литературы

1. Годлевский А., Зайцев Г. и др. Еще раз о дарвинизме и буржуазной генетике (к итогам Дарвиновской конференции биофака) // «Ленинградский университет». 1939. № 14.
2. Гурев С., Костин Г. Против консервативного направления в биологической науке // «Ленинградская правда» от 28 августа 1940 г.
3. Митин М. Б. За передовую советскую генетическую науку // «Правда». 1939.
4. На собрании комсомольского актива // «Ленинградский университет». 1939. № 45.
5. Николай Иванович Вавилов. Из эпистолярного наследия, 1929—1940 гг. (Научное наследство. АН СССР. Ин-т истории естествознания и техники. Т. 10). М., 1987. С. 109.
6. Яковлев П. Упражнения реакционных ботаников // «Правда». 1936. № 44.